

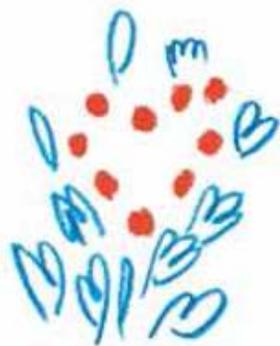

Ульф Старк

Бег
ле
цы

Ульф Старк

Беглецы

Иллюстрации Китти Краутер

Перевод со шведского Ольги Мязотс

БЕЛАЯ ВОРОНА
ALBUS CORVUS

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для младшего и среднего школьного возраста

*В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года
маркируется знаком **6+***

Старк, Ульф

Беглецы / Ульф Старк; иллюстрации Китти Краутер; перевод со шведского Ольги Мязотс. — М.: Белая ворона / Albus Corvus, 2020.

ISBN 978-5-001141-61-7

Любимый дедушка Готфрида оказался в больнице. Он постоянно ворчит, ругается и размышляет о том, попадет ли на небеса. Готфрид старается как можно чаще его навещать, иногда даже втайне от родителей. У дедушки есть мечта — в последний раз навестить летний домик, где они с бабушкой когда-то были очень счастливы. Внук помогает осуществить побег — тут-то и начинаются настоящие приключения! Последняя книга всемирно известного писателя Ульфа Старка. Иллюстрации нарисовала бельгийская художница Китти Краутер, лауреат мемориальной премии Астрид Линдгрэн.

The original title: RYMLINGARNA

© Lilla Piratförlaget AB, 2018

Text © Ulf Stark, 2018

Illustrations © Kitty Crowther, 2018

© Ольга Мязотс, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство Альбус корвус», издание на русском языке, 2019

1

Листья клена перед больницей пылали красным и желтым. Я стоял у окна и смотрел на улицу. Удивительно: листья краше всего тогда, когда вот-вот опадут.

— Подойди и посмотри, — позвал я дедушку. — Такая красотища.

— Не хочу я смотреть, — проворчал он. — Мне все равно выходить не разрешают.

Я сам приехал в больницу, чтобы его навестить. До этого мы много раз ездили сюда с папой, так что я знал дорогу.

Сначала на метро. Потом на красном автобусе, и как увидишь слева на пригорке церковь — сразу выходи.

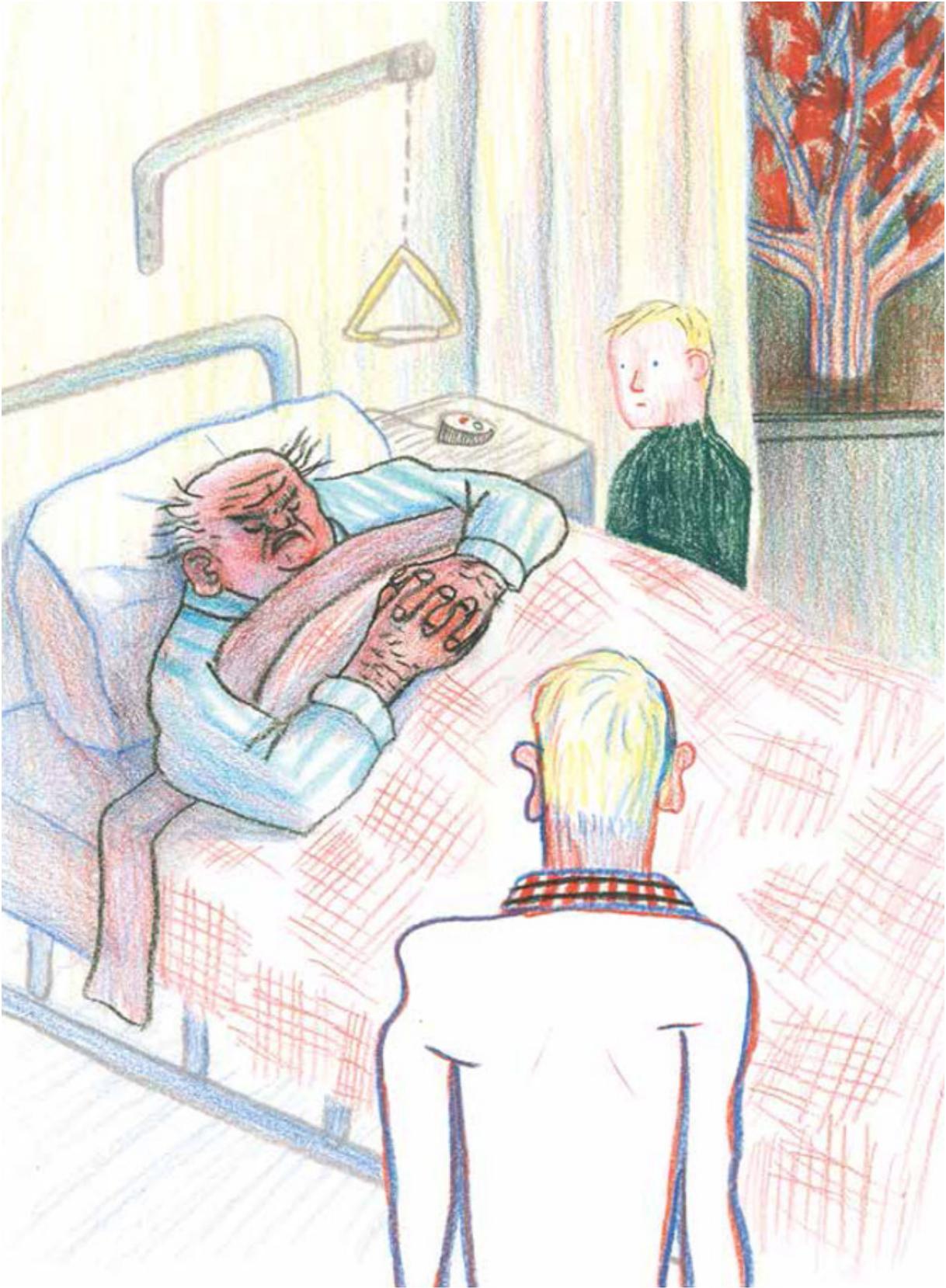
Ничего сложного.

Папа не хотел приезжать сюда чаще. Потому что с дедушкой непросто. Никогда просто не было. Но теперь с ним совсем нет сладу.

Вечно злится и кричит. Выплевывает таблетки, от которых должен был бы становиться тихим и добрым. И ругается на медсестер.

— Заперли меня тут, словно зверя в клетке! — рычит он. — За кого вы меня принимаете? Что я вам — обезьяна?

Его лицо пунцовеет, и он ругается так, что папа велит мне заткнуть уши. Папа считает, что не следует мне знать раньше времени всякие гадкие словечки.

Но я думал иначе.

Мне всегда нравилось, как дедушка сердится. Это было так здорово!

Но папа уставал от его выходок и огорчался, видя, как его толстый отец слабеет и худеет день ото дня. Поэтому он старался наведываться пореже.

— Ну почему он не может быть как все? — вздыхал папа.

Дело было в четверг. Папа вышел из своего зубокабинета, повесил белый халат на специальный крючок и пошел по комнатам заводить часы. Их у нас было девять штук.

Он всегда заводил их по четвергам.

Я поплелся за ним следом.

— А давай заберем оттуда дедушку, — попросил я.

— Нет, — отрезал папа и принялся заводить большие напольные часы в столовой.

— Разве он не может жить в доме для престарелых тут неподалеку? Тогда бы мы могли навещать его каждый день.

Дом для престарелых стоял у нас на пустыре. Так что по нашему кварталу вечно бродили всякие старички, забывшие, где они живут. Вот и дедушка мог бы стать одним из них. И приходил бы к нам обедать. А я бы виделся с ним сколько захочу.

— Дедушка из другого района, ты же знаешь.

— Но он мог бы жить с нами. Даже в моей комнате.

— Нет, я сказал! — отрезал папа. — Дедушке трудно подниматься по лестнице. Сердце у него увеличилось и стало совсем слабое. Вдобавок он болен, обозлен, упрям и выжил из ума. Ты же помнишь, что случилось в прошлый раз.

— Ему просто не повезло, — промямлил я.

— Не повезло? — хмыкнул папа. — Ему только-только срастили перелом, а он взялся поднимать тяжеленный

камень, вот кость снова и треснула. И это ты называешь невезением?

— А мне все-таки нравится, что он не такой, как другие, — сказал я. — Мы поедem навещать его в субботу?

— Там видно будет, — отмахнулся папа.

Я уже знал: это значит — нет. Когда наступит суббота, он скажет, что у него, к сожалению, слишком много дел.

Папа уселся в свое любимое кресло, надел наушники, уставился в потолок и врубил музыку на полную мощь, чтобы она заглушила другие мысли.

— Я все равно поеду туда в субботу, — сказал я. — Я люблю его. И не хочу, чтобы он лежал там один-одинешенек.

Папа кивнул.

Он ничего не услышал.

2

Я соврал, что иду на футбольную тренировку.

И попросил выдать мне карманные деньги за следующую неделю. Их должно было хватить на проезд. Потом я положил в сумку футбольные гетры, короткие синие трусы и шиповки, которые я себе выпросил.

Надо было все предусмотреть.

— Если хочешь взять с собой еду, посмотри в холодильнике, — сказала мама.

Я сделал два бутерброда — с сыром и с селедкой.

— Ты что, полюбил селедку? — удивилась мама.

— Нет. Это чтобы восстановить солевой баланс, ведь на тренировке сильно потеешь.

Жаль, что папа этого не слышал. Ему нравились научные аргументы. Но он с головой ушел в решение субботнего кроссворда.

Когда мама вышла из кухни, я взял еще и попить.

— Видишь, как удачно, что мы не поехали к дедушке, — сказал папа мне на прощанье. — Не придется пропускать тренировку.

— Верно, — согласился я.

Я предупредил, что задержусь: сказал, что договорился с одним из футболистов и он подтянет меня немного по математике. Она мне плохо давалась в школе.

Папа оторвал взгляд от газеты.

— Наконец-то ты занялся чем-то полезным, вместо вечных твоих глупостей, — улыбнулся он.

— Угу, — кивнул я.

И отправился в путь.

Меня ждали очередные глупости.

Сначала я сделал вид, что иду к футбольному полю, потому что мама стояла у окна и махала мне. Она

всегда так поступала. Но, пройдя немножко, я свернул к метро. Купил билет и сел на подошедший поезд.

Я смотрел на свое полупрозрачное отражение в окне поезда. Добрый призрак, отправляющийся на запретное задание.

На станции Слюссен я пересел на красный автобус. Но сперва немножко постоял на перроне, чтобы полюбоваться неоновой рекламой: тюбик, из которого на желтую щетку вылезает блестящая гусеница зубной пасты. Папа считал эту рекламу самой красивой в городе.

Я подумал о папе. И о дедушке. Какие они все-таки разные! Папа — высокий и худой, а глаза печальные. Дедушка наоборот — приземистый и кругленький и словно весь наполнен злостью. Когда он злится, это всем слышно. Он колотит по стенам, топает по полу и ругательски ругается. А папа, когда у него плохое настроение, ходит один и молчит.

Неудивительно, что они друг дружку не понимают.

Продолжая размышлять о том, какие они непохожие, я сел в автобус и стал смотреть, как за окном проносится мимо осень.

Вскоре рядом села здоровенная тетка в синем плаще. От нее пахло потом. Я придвинулся к ней поближе: пусть одежда пропитается этим запахом — как доказательство того, что я был на тренировке.